

- Софроний Врачанский 19896 — Софроний Врачански. Съчинения. Т. I. София, 1989.
- Стойков 1993 — Ст. Стойков. Българска диалектология. София, 1993 [С дополнениями М. Младенова].
- Фасмер 1907 — М. Фасмер. Греко-славянские этюды. СПб., 1907.
- Филипова-Байрова 1968 — М. Филипова-Байрова. Глаголи от гръцки произход в български език // Славистичен сборник. София, 1968.
- Цейтлин 1977 — Р. М. Цейтлин. Лексика старославянского языка. М., 1977.
- Цейтлин 1982 — Р. М. Цейтлин. Из наблюдений над лексикой Добромира евангелия (сравнительно с древнеболгарскими рукописями) // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982.
- Djamo-Diaconiță 1979 — L. Djamo-Diaconiță. Contribution à l'étude de l'influence de la langue grecque sur le slavon-roumain // Revue des études Sud-Est Européennes. XVII. București, 1979.
- Mihăilă 1973 — Gh. Mihăilă. Influența slavonă în vocabularul limbii române literare // Studii de lexicologie și istorie a lingvisticii românești. București, 1973.
- Poghirc 1983 — C. Poghirc. Philologie et linguistique. Bochum, 1983.
- Popović 1960 — I. Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
- Reichenkron 1966 — G. Reichenkron. Die Bedeutung des Griechisches für die Entstehung des balkansprachlichen Typus // Beiträge für Südosteuropa-Forschung. München, 1966.
- Sandfeld 1930 — K. Sandfeld. Linguistique balkanique. Paris, 1930.
- Σαμσάρη 1980 — Δ. Σαμσάρη. 'Ο ἐξελληνισμὸς τῆς Θράκης κατὰ τὴν ἐλληνικὴ καὶ ρωμαϊκὴ ἀρχαϊότητα. Θεσσαλονίκη, 1980.

Т. М. НИКОЛАЕВА

Мгла

1. Статья представляет собой попытку найти некоторые специфические коннотации в семантике слова *мгла*, которые, по нашему мнению, в значительно меньшей степени обнаруживаются в синонимичных ему словах *туман*, *сумрак*, *облако*, хотя, как мы постараемся показать далее, в определенных конситуациях их семантика совпадает.

Мы затрудняемся сказать также, есть ли такое же значение у слов этой же семантики в не-славянских европейских языках, например, англ. *haze*, *shadows*, *mist*, *fog*, *twilight*; нем. *nebel*, *dunkel*, *dämmerung*, *unklarheit*, *finsternis*; франц. *brouillard*, *brume*, *ténèbres* и т. д.

Выскажем сразу же излагаемую ниже гипотезу. Предположительно русское слово *мгла* означает не только некоторую непрозрачность, затуманенность видения, но и элемент субстанциального заполнения, наличия какой-то суспензии, создающей «мглистость». Кроме того, само появление мглы связано и с темным, обычно не-дневным, временем суток. Иначе говоря, *мгла* — это нечто вроде завесы, непрозрачной и мрачной, с частым психологическим налетом — ореолом грусти и печали. Выскажем с осторожностью предположение, что *мгла* в системе русского (и возможно славянского) менталитета могла восприниматься как нечто вроде *temps de passage*, состояние души и природы, при котором возможны «иномирные» контакты, неожиданные сведения и неожиданные визиты, т. е. *мгла* — это как бы завеса, скрывающая (или открывающая) иной мир, путь в него; при этом мир иной может быть воспринят и с элементами визионерства и/или чисто в ментальном плане.

2. Постараемся верифицировать или хотя бы иллюстрировать нашу гипотезу конкретными примерами. Начнем с демонстрации некоторых специфических текстов русской поэзии. В 1981 г. нами была опубликована статья [Николаева 1981], посвященная одному, ранее не отмеченному, сюжету в русской поэзии. Речь идет о том, что в целом ряде стихотворений описывается то, как поэт в опреде-

ленном отмеченном душевном состоянии вдруг начинает воспринимать какие-то невербальные звуки, которые оказывают на него воздействие: или оказываются ярко стихогенными или только усугубляют тяжелое состояние души поэта. Была исследована и фоника этих звуков, и дистрибуция этой фоники в зависимости от времени суток и состояния окружающей природы.

Особенно важным оказалось то, что краски природы не были в таких случаях «чистыми», а представляли собой какие-то сизо-багряные, дымно-алые, сумрачно-красные тона. В упомянутой работе не было, однако, обращено внимание на обстоятельство, ставшее существенным лишь в связи с более поздними занятиями, а именно — на то, что во многих стихах описывается параметр *мглы* при перцепции таких звуков. Приведем некоторые примеры:

Мир я вижу как во мгле / Арф небесных отголосок слабо слышу (Боратынский); Вечер мгlistый и ненастный / Чу, не жаворонка ль глас? / ...Гибкий, резвый, звучно-ясный, / В этот мертвый, поздний час, / Как безумья смех ужасный, / Он всю душу мне потряс... (Тютчев); О чем в сей мгле безумной, красно-серой? Колокола? — / О чем гласят с несбыточною верой? / Ведь мгла — все мгла (Блок); Но верится: пройдет сверкающий громами / Средь этой мглы божественный глагол (В. Соловьев); И звуки, как тайные знаки, / Пред нами кружились во мраке. / Мы были с тобою в таинственной мгле, / Как будто бы шли по ничейной земле... (Ахматова); Мы были — сумеречной мглой, / Мы будем пламенные духи. / Миром испепеленный слой / Живет в моем проросшем слухе... (А. Белый) и т. д.

Справедливо будет, однако, также сказать, что во многих подобных стихотворениях вместо *мглы* употребляются и синонимы *сумрак* или *туман*. См.:

Слышал ли в сумраке глубоко / Воздушной арфы легкий звон, / Когда полуночь, ненароком, / Дремавших струн встревожит сон? / То потрясающие звуки, / То замирающие вдруг... (Тютчев); Без слов, но слагаясь в созвучия слов, / Из сфер неземного тумана / Послышался голос, / Как будто бы зов... (Бальмонт); Вперяясь в сумрак ночи хладной, / В нем прозревать огонь и свет, / — Вот жребий странный, беспощадный / Твой, божьей милостью, поэт (Блок); Выходил туманный рог луны, / И постепенно превращалось в пень / Шуршанье трав и тишины. / Природа пела (Заболоцкий); В небесах плывут светила / Безутешной чередой, / И бесшумно и уныло / Тучи стелются грядой... И как будто кто-то тонет / В этой бездне мировой, / Кто-то плачет, кто-то стонет — / Полумертвый, но живой (Бальмонт); Я так боюсь

рыданья аонид, / Тумана, звона и зиянья! (Мандельштам); Ты отходишь в сумрак алый, / В бесконечные круги. / Я услышал отзвук малый, / Отдаленные шаги (Блок).

Еще более интересны те поэтические свидетельства, по которым не происходит творческого прозрения, какого-то эмоционального всплеска; даже сам поэт иногда этому удивляется. Это случается при ясном и чистом небе или ярким солнечным днем:

Сегодня все звезды так пышно / Огнем голубым разгорались... / Всю ночь прогляжу на мерцанье, / Что светит и мощно и нежно, / И яркое это молчанье / Разгадывать стану прилежно (Фет); Я жду — и трепет объемлет новый, / Все ярче небо, молчанье глуше... / Ночную тайну разрушит слово... / Помилуй, Боже, ночные души! / Все жду призыва, ищу ответа, / Но странно длится земли молчанье (Блок); Спокойно дышат моря груди, / Но, как безумный, светел день, / И пены бледная сирень / В черно-лазуревом сосуде. / Да обретут мои уста / Первоначальную немоту... Останься пеной, Афродита, / И, слово, в музыку вернись... (Мандельштам); И под сурдинку пенем жужелиц в лазури мучилась заноза: «Не забывай меня, казни меня, / Но дай мне имя! Дай мне имя! / Мне будет легче с ним, пойми меня, / В беременной глубокой сини!» (Мандельштам).

3. Таким образом, можно предположить некую идею, как бы заложенную в стихах, примеры из которых мы приводили, что сквозь мглу и туман (сумрак) иногда до поэта доносятся какие-то неясные, не облеченные в слова звуки, оказывающие на него безусловное воздействие. Нечто подобное можно усмотреть в примере из «Изборника Святослава» 1076 г., приведенном в Словаре русского языка XI–XVII вв.¹

Азь [премудрость] из устъ вышньаго изидохъ и якоже мѣгла покрыхъ землю (ὁ ἄμιχλη). Судя по данным Словаря, в древнерусском языке в значении слова *мѣгла* был более сильным упор на непрозрачность, на функцию, близкую к слову *тьма*. См. приводимое толкование: «О непрозрачной пелене от взвешенных в воздухе частиц (гари, дыма), морозящего дождя, ледяных кристаллов и т. п. И в тот день шол дозжик мглою и снѣгъ (1662); Бысть ведро велие, и мнози льсы, и боры, и болота згораху, и дымове силнии тогда бѣху... бѣ бо яко мгла на земли прилегла, и птицы, по воздуху не видяще летати, падаху на землю и умираху (Ник. лет. за 1223 г.); В пределах этого же словарного толкования при-

¹ Здесь и далее примеры из древнерусских текстов приводятся из статьи *Мгла* [Словарь др.яз., вып. 9, 51].

водятся примеры, говорящие о разделенности значений у облака и мглы: *И силенъ днь гнѣва, ... днь скорби и бѣды, днь болѣзни и погибели, днь тьмы и мрака, днь облака и мглы* (XII–XIV вв.).

Мгла соотносится в древнерусских текстах с **тьмой**:

Тма и мгла и дымъ (γρόφος); *Бысть мѣгла велика по всеи земли до третьяго часа, и по томъ повелѣ господь тмѣ уступити и свѣту пришествие дарова* (Моск. лет.).

Наиболее значительным указанием на интересующую нас семантику является небольшое примечание о том, что в древнерусских текстах представлено сочетание *Земля мгл(е/я)на* — потусторонний мир; ад; преисподняя. *Кѣде суть нынѣ ошьдѣшяя дѣи члѣвчя... якже суть грѣшныя то въ адѣ... въ земли тьмнѣ и мьглнѣ, въ земли вѣчныя* (Изб. Св. 1076); *Иже грѣшници суть [души усопших], тѣ подъ землею и подъ морем... в земли мглянѣ и темнѣ и в земли тмы вѣчныя* (Изм. XVI–XV); *Снидошася къ отцу сатанѣ въ подземныя мѣста, въ землю мгляну* (1563).

Интересным является обстоятельство, что то значение слова *мгла*, которое является совпадающим с семантикой слов *облако*, *туман*, обычно иллюстрируется в словарях примерами из «Слова о полку Игореве». Именно на этом мы хотели остановиться и показать, что в этом памятнике слова *мгла* является одним из ключевых в общей семантике текста. Тема мглы связана и с глаголом *мерцать/меркнуть*, также являющимся одним из ключевых и сопоставляемых словарно с мглой (через *мигать*). Игорь выступает в момент затмения, но потом, когда оно уже было позади, тема мглы–мрака–тьмы не оставляет войска русских.

В то же время Ярославна, стоя на городской стене, видит войско мужа как бы испепеленным палящими лучами солнца²:

— *Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?*

Ср. с этим колорит Игоревы войска: *И видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты; Солнце ему тьмою путь заступаше; Длѣго ночь мръкнетъ. Заря свѣтъ запала, мьгла поля покрыла; Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съ моря идутъ...; пороси поля прикрываютъ; Ничитъ трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось; На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; Нѣ уже, княже Игорю, утрѣпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони.* То есть нет ни одного

² Цитаты даются по изданию: Слово о полку Игореве. М., 1985.

контекста, где колорит окружающего ландшафта можно было бы назвать не-мрачным.

В «Слове о полку Игореве» одним из наиболее ярких и функционально нагруженных является образ князя-волхва Всеслава Полоцкого, живущего двойной жизнью: днем он ведет обычный образ жизни князя, а в полночь превращается в какого-то страшного волка-оборотня: *Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ... скочи влѣкомъ до Немиги съ Дудутокѣ... Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше...* С семантическим полем этого князя связаны, таким образом, лексемы: *полночь*, *мгла*, *волк*. Обратническая суть этого князя несомненна. Несомненно также и то, что рассказ о нем, жившем более ста лет тому назад по отношению ко времени похода Игоря и даже не являвшемся прямым предком Игоря, неслучаен. В «Слове» вообще представлен некий «аллюзивный монтаж» как средство его поэтики: в частности, в первой части Игорь сопоставляется по сходству лексем и судьбы со своим дедом Олегом Святославичем, который является неудачливым полководцем, но лишен каких-либо inferнальных качеств. Бегство князя Игоря также связано именно с этими контекстно определяющими лексемами: *полночь*, *мгла*, *волк*.

Присну море полунощи, идутъ сморци мьглами... А Игорь князь поскочи ...въвржеся на брѣзъ комонѣ и скочи съ него бусымъ влѣкомъ. И потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ. В этой связи еще акад. Я. Гордлевским было высказано соображение об оборотничестве «нового», бежавшего, Игоря [Гордлевский 1947]. Идеи эти потом повторил и И. Клейн в работе «Донец и Стикс» [Клейн 1976]. Интересно, что это, видимо, почувствовал и В. А. Жуковский, который перевел *бусый волк* как *бес-волк*. Однако очевидно, что *мгла* в других контекстах, например, *одевавшу его теплыми мьглами подъ сению зелену древу* — это просто туманы, облака. Подобное раздвоение полностью вписывается в общую поэтику «Слова», которую мы определяем как «тернарность образов». X в одних случаях есть только X, в других оно имеет значение У, в третьих контекстах оно понимается и как X, и как У, т. е. художественная ткань текста полна суггестивных аллюзий. Обычно бесы-демоны мыслятся пришедшими либо сверху, «падшими», либо явившимися из «адского низа».

Наконец, они просто существуют на земле, как люди. Но пушкинские бесы кружатся именно в этом срединном воздушном

мире — ни верха, ни низа. Их пространство — это пространство тумана, мутности, мглы: «Лишь глаза во мгле горят»³:

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна...

(Слово *мутный* тоже является одной из ключевых лексем «Слова».)

Тот факт, что «Руслан и Людмила» — произведение молодого поэта — как бы переполнено лексемами со значением туманности, мглистости, тьмы, мрачности (т. е. повторяет ландшафтные краски «Слова», на что как-то не обращали внимания), заинтересовал одного из пушкинистов [С. Соловьев 1974]. Действительно, примеры такого колорита в этой поэме поистине неисчислимы: Тень объемлет всю природу; Плышет луна, царица ночи / Находит *мгла* со всех сторон / И тихо на холмах почил; Все мрачно, мертвое молчанье; Вдруг холм, безоблачной луною / В тумане бледно озарясь, / Яснеет; Напрасно витязь пред собою / В туманы дальние смотрел; Тяжелый, пасмурный туман / Нагие холмы обвеваает; Окружены седым туманом, / Русалки тихо на ветвях...; В ночной одетая туман, / Луна во мгле перебежала / Из тучи в тучу...; В тумане ведьма исчезает и т. д. С. Соловьев объясняет множественность такой лексики влиянием В. А. Жуковского: «Луна и туман, луна в тумане — частый и, пожалуй, даже излюбленный образ Жуковского» [С. Соловьев 1974, 342]. Как однако, представляется, сходство лексического характера может здесь быть вторичным и объясняться сходством семантики, диктующим план выражения. Итак, эта средняя сфера — *мгла*, туман, сумрак — несомненно связаны и в поздней поэзии с каким-то таинственным, иным существованием. Если обратиться еще раз к лексеме *мгла* у А. С. Пушкина, то она имеет либо пейзажное значение — и в этих случаях пейзаж очень похож на пейзаж «Слова»:

Дымится кровию земля, / И села мирные, и грады в мгле пылают; Ненастный день потух / Ненастной ночи *мгла* / По небу стелется одеждою свинцовой; На мутном небе *мгла* носилась; И мнится, слышу их воинственные клики, / Кругом — густая

мгла, / За ним — военный стан; Находит *мгла* со всех сторон и тихо на холмах почил; Долина тихая дремала, / В ночной одетая туман, / Луна во мгле перебежала / Из тучи в тучу; Месяц молодой зашел; / Поля покрыты мглой; Редает *мгла* ненастной ночи / И бледный день уж настает; Ночная *мгла* на город трепетный сошла; Идет по снеговой поляне / Печальной мглой окружена; Окрестность исчезла во мгле, мутной и желтоватой...

Второе значение — ментального свойства: *мгла* — это некая завеса перед миром будущего, т. е. миром еще неизвестным здесь, но уже известным в за-мглой-состоянии. См.: Грядущие годы таятся во мгле; Что день грядущий мне готовит? / Его мой взор напрасно ловит. / В глубокой мгле таится он...

4. Итак, и странные поэтические тексты о невербальных стихогенных звуках, доносящихся откуда-то «из сфер неземного тумана», и некоторые древнерусские употреблениа, зафиксированные лексикологами, и «волшебные» контексты «Слова о полку Игореве», и пушкинские тексты говорят об особой функции контекстов, группирующихся вокруг лексем-концепта *мгла*. Это завеса от иного мира и путь-переход в иной мир, обычно с мрачными — как буквально, так и переносно — коннотациями.

Мгла заслоняет от людей нечто, но она пассивна по отношению к ним; она не ведет человека и не уводит его. Эту функцию выполняет другое контекстное явление, денотативно близкое к комплексу *мглы*, — это слово-мифологема *метель*.

Литература

- Гордлевский 1947 — В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? // Известия Отделения литературы и языка АН СССР, т. VI, вып. 4; 1947.
- Николаева 1981 — Т. М. Николаева. «Из пламя и света рожденное слово...» // Труды по знаковым системам 14; Ученые записки ТГУ. Тарту, 1981, № 567.
- Словарь др.яз. — Словарь русского языка XI–XVII вв., М., 1982, вып. 9.
- Клейн 1976 — И. Клейн. Донец и Стикс // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.
- С. Соловьев 1974 — С. Соловьев. О некоторых особенностях образности Пушкина // В мире Пушкина. Сборник статей. М., 1974.

³ Тексты А. С. Пушкина цитируются по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах. М.; Л., 1950.